

HOOVER
APR 3 1981
INSTITUTE

РУССКАЯ МЫСЛЬ

5 F.

Почетный директор Зинаида ШАХОВСКАЯ

LA PENSÉE RUSSE

Главный редактор Ирина ИЛОВАЙСКАЯ АЛЬБЕРТИ

Редакция и Контора: 217, rue du Faubourg St. Honoré, 75008 Paris.

Tél.: 563-94-47 ou 563-21-83 ou 561-05-79.

Почт. счет: С.С.Р. 5883-44 К. Paris.

№ 3347. Четверг 12 февраля 1981.

Год издания тридцать четвертый

Jeudi 12 Février 1981.

Trente quatrième année.

Достоевский и Оптина Пустынь

ГОРЕ не напрасно. Стоны над мальчиком Алексеем не напрасны. Встреча с Оптиной в конце жизни, в зрелости дара — более чем не напрасно: это судьба Достоевского.

Еще в «Идиоте» повеяло у него духом света. Князь Мышкин излучает светло-зеленоватые лучи — лучи надежды. Но там связано это еще с безумием. В набросках к «Карамазовым» Алеша именуется «идиотом». Но рядом с этим тянет Достоевского и к более ровному, прочному, трезвенному свету.

В письмах из-за границы он упоминает о желании побывать в русском монастыре. Монастырь и облик инока русского с некоторых пор стали все сильнее его занимать. Для «Карамазовых», при сопоставлении «да» и «нет», Бог и дьявол, подвижник стал необходим. На кого опереться? У кого свет неболезненный?

Все слагалось как надо: не умер бы мальчик Алеша, не был бы сражен горем отец, может быть, и не поехал бы этот отец с Соловьевым на лошадях из Калуги чрез убогий Перемышль в Козельск на опушку Брынских лесов, на реку Жиздру к старцу Амвросию. Или если бы и поехал, то в ином состоянии, просто как путешественник? А ведь так получилось, что внутренне между ним и бабой, женой Никитушки, разницы нет. Оттого и принял он в душу

так полно и утолительно и образ монастыря, и образ старца Амвросия.

Младенец Алексей переселился в младенца бабы и далее, выше, в Алешу Карамазова. И этот Алеша теперь уже не «идиот» набросков, а милый и красивый, здоровый русский юноша с нежной и глубокой душой. Его брат Иван знается с дьяволом, исполняет его роль, но и погибает в безумии. Победители — Алексей и Димитрий, один в экстазе любви, другой в экстазе неповинного страдания.

А над всеми облик старца Зосимы — как свет немеркнувший. Любовь, кротость и сострадание.

Если б не встретил его Достоевский лицом к лицу, если бы дважды, наедине, как на исповеди, быть может, в слезах, как та баба, не изливал душу — не было бы таинственного заднего плана, полуневидимого, но чувствуемого, во всей части романа, посвященной старцу Зосиме.

Константин Леонтьев, барин, эстет, душа редкостной одаренности, жизнелюб и прожигатель жизни в духе языческом, но и отравленный миром, кончал дни при Оптиной. О Достоевском полагал, что христианство его «розовое». Сам был довольно суров. Ему бы все подсушить, «подморозить». Ему и на Афоне, где бывал, нравились больше облики властные, водители с железным посохом (Иероним). Да и само

православие его с железным посохом. Но тогда, пожалуй, и старец Амвросий слишком мягок? Добр, сострадатель и снисходителен? Его тоже бы подморозить?

Достоевского пленил Амвросий. Конечно, в старца Зосиму он вложил и другое. Возможно, что упреки Достоевскому за Зосиму — если смотреть на него, как на портрет Амвросия — отчасти правильны («русский инок не совсем таков, крепче и мужественнее» — не один Леонтьев так считал). Главное, однако, остается. Зосима христианнейший образ, в высшем смысле глубоко православный.

Шестую книгу «Карамазовых» («Русский инок») Достоевский написал через год, летом 79-го года, в Старой Руссе, в трудных условиях.

«Я все время был здесь в Руссе в невыносимо тяжелом состоянии духа. Главное, здоровье мое ухудшилось...» «Все время писал, работал по ночам, слушая, как воеет вихрь и ломает столетние деревья». — Очень Достоевский: ночь, буря, одиночество, чувство недалекого конца и чувство, что создается великое, надо успеть его закончить — жить оставалось полтора года.

«Сам считаю, что и одной десятой не удалось того выразить, что хотел. Смотрю, однако, на эту книгу шестую, как на кульминационную точку романа».

Точка высокая, но еще выше — заключительная глава седьмой книги («Кана Галилейская») — вся книга седьмая названа «Алеша». Она и ведет к победе. Она и две следующие, 8-я и 9-я, кончены к январю 1880 года — последнего в жизни Достоевского.

«Кана Галилейская» есть некое видение Алеши. По роману он послушник старца Зосимы, обожжающий его.

Но должен потом идти в мир, в монастыре не остается — в мир с деятельной любовью, по завету старца. Считал Достоевский, что напишет Алешу в миру в следующем романе. Но роман этот не дано было ему написать.

Старец Зосима скончался. Ждали чуда. Но его не было, а даже коснулось тела его обычное тление («тленворный vx»). В монастыре смущены. Враги: гарчества и завистники Зосимы (а такие были), злорадствуют. Смущен сам Алеша.

Но вот вечером он в келье старца, где над гробом его о. Пансий читает Евангелие. Чтение это от Иоанна, знаменитая вторая глава: ... «И в третий день брак бысть в Кане Галилейстей...» Алеша слушает, обрывки мыслей проносятся в голове.

«И не доставшу вину, глагола Мати Инисусова к Нему: вина не имут...» — слышалось Алеше.

— Ах да, я тут пропустил, а не хотел пропускать, я это место люблю, это Кана Галилейская, первое чудо... Ах, это чудо, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посетил Христос...

Видение в том, что в какую-то минуту полубодрствования полудремоты... «К нему подошел он, сухенький старичок, с мелкими морщинками на лице, радостный и тихо смеющийся. Гроба уже нет... Лицо все открытое, глаза сияют. Как же это он, стало быть, тоже на пире, тоже званный на брак в Кане Галилейской...»

— Тоже, милый, тоже зван, зван и призван, — раздается над ним тихий голос, — зачем сюда сخورился, что не видать тебя? Пойдем и ты к нам». Голос его, голос старца Зосимы. «Веселимся, — продолжает сухенький старичок, — пьем вино новое, вино радости новой, великой...»

«Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души его. Он простер руки, вскрикнул и пропал».

Теперь он выходит из кельи, в темноту ночи, уже другим человеком. «Полная восторгом, душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко необозримо раскинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звезд...»

Тут-то вот и пал он на землю, пал Алеша и вместе с ним Достоевский. «Он не знал, для чего обнимал ее...» «неудержимо хотелось целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои...» — прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже об этих звездах...» «Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божьих сошлись разом в душе его и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения...»

«Что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь, и на веки веков».

Это и была та гармония, над которой всю жизнь бился и мучился Достоевский. Она сошла на его героя теперь в мистическом озарении, заливая светом все противоречия, все бедны. Она явилась в скромном монастыре, пред лицом звезд, под веяние бора оптинского, в тихую ночь незадолго до земного конца.

Из средневековья вижу лишь одну фигуру. Странник и изгнанник, пешком бредущий по тропинкам Калентины или Луинджинаны, с рукописью «Божественной Комедии» в мешке за спиной. На вечерней заре подходит ко вратам монастыря и стучит. Призрачник высовывает голову.

— Что тебе нужно? Чего ищешь, странник?

— Мира.

Он искал также ночлега. И получил его. И позже в монастыре Фонте Авеллана, в горах близ Урбино, написал некоторые песни «Рая», уложив их потом в тот же мешок.

— В России XIX века три гения являлись в Оптину тоже за словом «мир». Замечательно, что величайший расцвет русской литературы совпадает с расцветом старчества в Оптиной. Все приходило за утешением и наставлением. Гоголь тосковал, преклонялся к старцам в ужасе от своих грехов (собственно в ужасе от своей особенной природы). Лев Толстой — поиски истины. Достоевский... — про него сказано уже, для чего явился, Леонтьев так и остался в Оптиной.

Великая литература, вовсе не столь неколебимая, как литература Данте, Кальдеронон, шла к гармонии и утешению на берега Жиздры, к городку Козельску.

Жизненно самый сильный след остался у Леонтьева не-гения, принявшего монашество и монахом скончавшегося.

У Толстого полная, трагическая неудача.

Встреча с Оптиной Достоевского, кроме озарения и утешения человеческого, оставила огромный след в литературе. «Братья Карамазовы» получили сияющую поддержку. Можно думать, что и вообще весь малый отрезок времени, оставшийся Достоевскому в жизни, отданный целиком «Карамазовым», прошел под знаком Оптиной.

Его жизнь кончалась вместе с писанием. В ноябре 1880 — последние главы «Братьев Карамазовых» были отсланы Каткову. 28 января 1881 г. Достоевский скончался.

Последняя песнь «Рая» написана в Равенне в 1321 г. Это был последний год жизни Данте.

Окончание. Начало см. «Р. М.» № 3345.